

Е Мянэ сидел прямо за ним. Покачив головой, он притворился, будто ничего не слышал, взял книгу и с самым важным видом принялся читать. Вэй Аньюань только собрался вспылить, как у дверей дважды кашлянул служка — это был знак, что идет учитель. Вэй Аньюаню ничего не оставалось делать, кроме как с досадой взмахнуть рукавами и сердито отвернуться.

Е Мянэ усмехнулся краешком губ. Глядя на сердитую спину Вэй Аньюаня, он вспомнил, как они впервые познакомились.

Вэй Аньюань был сыном левого премьер-министра династии Великая Вэнь, и с самого первого дня во Дворе Цижуй все негласно признавали его своим предводителем. Е Мянэ в то время прожил в династии Великая Вэнь всего несколько дней и терпеть не мог его высокомерие и наглость человека, кичащегося высоким чинопочитанием и влиянием своего отца. Вэй Аньюаня же дико раздражал вечно ухмыляющийся Е Мянэ, который вел себя так, будто он выше всех. Не прошло и нескольких дней, как из-за пустякового повода они сошлись врукопашную.

Императорская академия Гоцзысюэ шутить не любила. В тот вечер ни одного из них не отпустили домой — их заставили всю ночь простоять на коленях перед изображением Государя в дисциплинарном классе Павильона Синсы. В ту ночь и в резиденции премьер-министра, и в усадьбе правого заместителя министра финансов до самого утра горели огни: от хозяев до слуг никто не сомкнул глаз.

Маленький господин Вэй впервые в жизни сам полез в драку и, естественно, изрядно пострадал. К полуночи Е Мянэ изрядно остыл. Глядя на избитого, покрытого синяками Вэй Аньюаня, он почувствовал неловкость. Все-таки по психологическому возрасту он был на несколько лет старше этого мальчишки. Зачем взрослому человеку мериться силами с ребенком?..

Чем больше Е Мянэ думал об этом, тем сильнее чувствовал себя виноватым. В ту же ночь прямо в дисциплинарном классе он извинился перед ним. Но разве Вэй Аньюань стал бы его слушать? Он лишь метал в него сердитые взгляды, словно вонзал острые ножи, готовый проделать в нем дыру. Было очевидно, что вражда зашла слишком далеко и просто так это не закончится.

Однако Е Мянэ был толстокож и ничуть его не боялся. Вторую половину ночи он с улыбкой до ушей развлекал его разговорами, то уговаривая, то поддразнивая, и даже спел маленькому господину Вэю несколько детских песенок. Под конец он стащил пресные лепешки, принесенные в дар изображению Государя, и услужливо подложил их под колени Вэй Аньюаню, чтобы тому было мягче стоять.

Е Мянэ был хорош собой и говорил так забавно — куда интереснее всех, кого Вэй Аньюань встречал раньше. Когда он отбросил гордость и принялся заискивать, в ход пошли самые разные уловки. Стоило Вэй Аньюаню рассмеяться, как злиться дальше стало невозможно. В итоге сонный после бессонной ночи маленький господин Вэй не устоял и простил его еще до рассвета. Из дисциплинарного класса они вышли, обнявшись за плечи и называя друг друга братьями.

Дежуривший снаружи инспектор дисциплинарной палаты был просто поражен, но втайне вздохнул с облегчением. То, что они помирились, было лучшим исходом. Иначе, если бы сын премьер-министра затаил злобу и, вернувшись домой, пожаловался отцу, приукрасив детали, резиденция премьер-министра точно не оставила бы это просто так. В конце концов, на лице мальчика красовались синяки. В таком случае не поздоровилось бы не только усадьбе

заместителя министра финансов, но и с них самих, сотрудников академии, спустили бы три шкуры.

Стоявший на часах инспектор дисциплинарной палаты тогда искренне восхитился Е Мянem. Сначала он обливался за него холодным потом, но кто же знал, что этот юноша умеет и спину держать, и спину гнуть, а его настырное умение подлизываться было поистине... лучше и не говорить.

На следующее утро, едва вернувшись домой, Е Мянъ получил хорошую трепку от заместителя министра Е. Однако в Императорской академии Гоцзысюэ он в один миг прославился. Подумать только, подрался с сыном премьер-министра, да еще и заставил того просить пощады! В тот год среди учеников ступени Ци внезапно объявился новый маленький задира, чье имя сразу же занесли в черный список в Павильоне Синсы Императорской академии Гоцзысюэ.

Сегодняшний утренний урок был посвящен «Шивэнь» — предмету, который Е Мянъ терпеть не мог больше всего. Да и преподавал его старик Сюэ, самый закоренелый учитель во всей Императорской академии Гоцзысюэ. Не прошло и получаса, как у Е Мянъ в голове зашумело, и он страстно пожелал заткнуть уши затычками.

Бросив взгляд вперед, он увидел, что старик Сюэ сидит с закрытыми глазами и монотонно покачивает головой. Е Мянъ достал из сумки парчовый футляр и принялся вертеть его в руках. Внутри лежали две кисти. Е Мянъ мысленно хмыкнул. Любой, кто его знал, прекрасно ведал, что у четвертого молодого господина Е отвратительный почерк, едва ли лучше, чем у ребенка, едва научившегося писать. И этот Вэй Анъюань умудрился подарить ему две кисти! Это же явная насмешка!

Впрочем, качество кистей выглядело превосходным. Е Мянъ невольно вынул одну и принялся бережно поглаживать гладкое, приятное на ощупь древко.

Хм? Повернув древко, Е Мянъ округлил глаза, разглядев на самом верху выгравированный иероглиф «Сяо». Он ткнул пальцем в спину сидевшего перед ним Вэй Анъюаня. Тот недовольно обернулся, и Е Мянъ одними губами спросил:

— Кисть семейства Сяо?

Вэй Анъюань, заметив его ошеломленный вид, самодовольно отвернулся, быстро нацарапал на клочке бумаги несколько слов и, улучив момент, пока старик Сюэ отвлекся, бросил записку на стол Е Мяню.

На бумаге было написано: «Кисть из соболиного ворса». Е Мянъ невольно ахнул про себя. А этот парень Вэй действительно всемогущ! Кисть семейства Сяо и так было трудно достать, их делали совсем немного в год и дарили только тем, кому благоволила судьба. У его отца была одна кисть семейства Сяо из мышинного уса, которую он берег как зеницу ока, держал на письменном столе и сдувал с нее пылинки, ни разу не решившись использовать по назначению.

В конце прошлого года заместитель министра Е вызвал его в кабинет, чтобы проверить знания. Поскольку Е Мянъ не смог рассказать урок, отец замахнулся, собираясь его побить. Но разве Е Мянъ позволил бы себя ударить? Он бросился наутек и случайно задел подставку для кистей на столе. И надо же было такому случиться — он наступил прямо на ту самую кисть семейства Сяо из мышинного уса и раздавил ее на месте.

Правый заместитель министра финансов Е Хэн от жалости чуть не расплакался. В тот же вечер

он вознамерился наказать Е Мяня по семейным правилам. Даже госпожа Е не смогла его успокоить. В конце концов спасти задницу Е Мяня пришлось его бабушке, которая лично вмешалась в дело. Однако с тех пор отец стал относиться к нему еще хуже, даже на Новый год не сменил гнев на милость. Разозлившись, Е Мянъ заявил, что купит кисть семейства Сяо на собственные сбережения и вернет долг. На что отец лишь холодно усмехнулся:

— Если кисть мастера Сяо попадет в руки к тому, чьи каракули похожи на ползающих червей, она перестанет быть кистью семейства Сяо.

От этих слов отца у Е Мяня все внутренности разболелись от досады, но поделаться он ничего не мог. В эту эпоху почерку придавали огромное значение — считалось, что он отражает характер человека. Красивое, твердое письмо сулило немало выгод на государственной службе. Но в своей прошлой жизни Е Мянъ держал кисть в руках лишь в возрасте шести-семи лет в детском кружке, а в остальное время писал обычными ручками. Он прибыл в династию Великая Вэнь всего полгода назад, откуда у него возьмется каллиграфический почерк?

Е Мянъ как-то жаловался на это Вэй Анъюаню, и надо же — тот запомнил.

Кисти семейства Сяо тоже делились на сорта. Кисть из мышиноного уса его отца была в лучшем случае среднего качества, а вот кисть из соболиного ворса считалась редчайшим высшим сортом. И Вэй Анъюань умудрился достать сразу две! Е Мянъ мысленно ликовал, предвкушая, как сегодня вечером положит их на самое видное место на своем письменном столе. Интересно, как изменится лицо его отца, когда он это увидит?

Система обучения в Императорской академии Гоцзысюэ казалась Е Мяню извращенной. В день проводилось всего два занятия — одно до полудня, другое после. Каждое длилось почти по четыре часа без перерывов. Если кому-то требовалось отлучиться в уборную, нужно было поднять специальную табличку для выхода и отпроситься.

На уроках по каноническим книгам Е Мянъ каждый раз отпрашивался под предлогом нужды. Особенно на занятиях старика Сюэ: если не выходить время от времени подышать свежим воздухом, он рисковал просто уснуть, чем довел бы старика до белого каления.

Отдав табличку помощнику учителя, Е Мянъ под недовольным взглядом старика Сюэ поднялся, вышел из класса и направился в уборную Двора Цижуй. Вскоре за ним последовал и Вэй Анъюань.

Встав рядом, они принялись справлять нужду. Е Мянъ покосился на достоинство Вэй Анъюаня и хвастливо заметил:

— А у меня все равно больше.

— Ты ослеп, что ли? — рассердился Вэй Анъюань.

Когда они закончили, служка поднес им воду с мыльным отваром для мытья рук.

Вэй Анъюань зевнул и сказал:

— В обед пойдем в Башню Юйсянь, я уже забронировал отдельную комнату.

— В первый же день учебы? — Е Мянъ нахмурился.

— Ничего страшного, после обеда у нас стрельба из лука.

— А, тогда ладно, — с пониманием согласился Е Мянью.

Учитель, который обучал их стрельбе из лука, когда-то служил под началом отца Ли Чжао, великого генерала Гуйдэ, так что если они немного припозднятся, тот не станет доносить.

Тщательно оттирая пальцы, Е Мянью легонько толкнул Вэй Аньюаня локтем в бок:

— Эй, насчет тех кистей семейства Сяо... Спасибо.

Вэй Аньюань презрительно фыркнул:

— Уже жалею, что отдал их такому неблагодарному олуху, который ничего не смыслит в хороших вещах.

Е Мянью прыснул со смеху, выхватил из рук служки полотенце и принялся сам вытирать руки Вэй Аньюаню:

— Да я же просто шучу, неужели ты и вправду обиделся? К тому же мы столько дней не виделись. Если я тебя не подражаю, то как еще выразить, насколько я соскучился?

— Отвали! — со смехом выругался Вэй Аньюань. — Я тебе это еще припомню.

— Ладно-ладно, — закивал Е Мянью. — Сегодня в Башне Юйсянь плачу я, заказывай все, что душе угодно.

Вэй Аньюань довольно улыбнулся.

— И как только ты за столько времени не привык к нашей академической столовой? Почему ты такой изнеженный?

Справив нужду, они не спешили возвращаться и устроились поболтать прямо в предбаннике уборной. Раз уж удалось вырваться под благовидным предлогом, кому захочется возвращаться раньше времени и любоваться на кислую мину старика Сюэ?

<http://bllate.org/book/18289/1753807>